

Скурильное соло (о четырех книгах Игоря Шесткова)

НАУМ П. о книгах Игоря Шесткова:

(о книге «Загадочный сосед»)

Новая книга берлинского писателя Игоря Шесткова называется «Загадочный сосед». Это четвертый том «полного собрания сочинений» Шесткова, публикующегося в издательстве Franc-tireur USA (первый том – книга рассказов «Утконос», второй, включающий рассказы и заметки – «Аляска», третий – книга эссе «Солнце в футляре»).

Книга включает в себя новеллы, заметки, политические тексты и эссе.

В нее включены также два текста, авторство которых лишь частично принадлежит Шесткову.

В конце книги приведен сокращенный перевод мистического сочинения монаха, в котором тот описывает ужасы ада – «Видение Тундала». Душа погруженного в каталептический сон рыцаря, ведомая ангелом хранителем, путешествует по загробному миру и претерпевает там мучения, назначенные грешникам высшими силами в наказание за земные грехи. В длинном предисловии автор в частности пишет, что хотел бы сопоставить ад, описанный в «Видении Тундала» с адом Босха. Но он этого не делает, и как мне кажется вполне сознательно. На самом деле пылающий средневековый ад нужен Шесткову – как багровый раскаленный фон для его черных новелл. Это их ключ, их общий мучительный катарсис, их конец.

«Видению Тундала» предшествует текст-коллаж «Кровожадный кочегар», в котором Шестков цитирует официальные сообщения – криминальную хронику Удмурдии. Это, конечно, тоже «ад», только не порожденный нечистой совестью монаха, а реально существующий в российской провинции. Это уже не «фон»

для мрачных рассказов Шесткова, это их «подбрюшье» или «дно». В некотором смысле – это их авторское оправдание. Кстати, дном мира (а также «соборной и богоносной свинцовою хавроньей») называет Шестков Россию в политическом тексте «Апология русофобии». Текст этот нельзя однако воспринимать слишком серьезно. Его автор – не писатель Шестков, не политик и не публицист, а некоторый «обобщенный», как выражаются математики, иронизирующей скептик-эмигрант.

Два текста книги («Комната, в которой нас нет» и «Надо было купить штатив») написаны от лица фотографа. И, хотя писатель Шестков много фотографирует и даже неоднократно показывал свои фото на персональных выставках в различных городах Германии, тексты эти надо рассматривать как рассказы и объяснения литературной техники писателя, его творческое кредо.

Первые пятнадцать публикаций книги – это новые рассказы писателя. Как всегда у Шесткова – квазиавтобиографические, скурильные, обязательно содержащие сюрреалистический «пуант» и не один. Рассказ «Спутник», например, это такой «пуант» или как раньше говорили «соколиный поворот», вытянутый в небольшой рассказ. Курортник на европейских югах, уже собравшийся было возвратиться домой, в Новый свет, решает выкупаться перед отъездом... но превращается по пути к морю в Санта Клауса с популярной рекламы и в конце концов становится спутником Земли...

В эссе «Шарманчик на улице Архимеда» Шестков обсуждает одну из последних картин погибшего в Аушвице художника Феликса Нуссбаума. И это эссе надо рассматривать не только как разговор о Нуссбауме, но и как своеобразную проекцию на судьбу писателя-эмигранта.

На обложке книги – два листа из графического цикла «Пляски смерти» друга писателя, саксонского художника Зигфрида Отто Хюттенгрунда, об одной из гравюр которого, Шестков пишет в эссе «Похищение Европы».

Можно предположить, что тема книги, этот непонятный макгаффин, «загадочный сосед» – это не описанный в рассказе сосед автора, а – зловещий

скелет, смерть (по немецки дер Тод, существо мужского рода), «танцующий» с человеком всю его жизнь свой адский танец. Готовый прерваться в любое мгновение...

Или, «загадочный сосед» – это человек вообще. Не только игрушка в холодных руках смерти-Тода, но и существо, по Шесткову, абсолютно иррациональное, не имеющее истинной сути, а только играющее навязываемые ему судьбой роли и носящее соответствующие этим ролям нелепые абсурдные маски.

Или – сам автор...

(о “Солнце в футляре”)

Берлинский писатель Игорь Шестков пишет о Дюрере, Кранахе так, как будто это его друзья, хорошие знакомые, современники. Это не придает его текстам предвзятой фамильярности, а отражает элементарную истину – Шестков любит и знает творчество старых мастеров, проводит долгие счастливые минуты перед их картинами в европейских музеях и делится с читателями приходящими во время медитации мыслями и эмоциями. Ведет диалог с художниками, их образами и самим собой. По его словам „дает им пожить“. На большее он не претендует.

Шестков пишет и о творчестве своих друзей – саксонских художниках Михаэле Моргнере и Томасе Ранфте и о знаменитом московском мистике – Михаэле Шварцмане, которого не только хорошо знал, но которому подражал долгие годы. Анализ графических работ Ранфта и Моргнера, интересен не только сам по себе, но и как попытка интерпретации современного текста. В частности – текстов самого Шесткова, его brutальных „страшных рассказов“, которые

безусловно надо понимать в шестковском дискурсе – как „серебряные поля сознания, на которых веют холодные ветры“.

Последний текст в книге – о Гоголе. Шестков не торопясь цитирует классика и его современников, явно наслаждаясь жутковатым контекстом. Этот текст - замаскированная под прогулку по музею русской словесности – попытка оживления „самого страшного покойника великой русской литературы“.

(О “Утконосе”)

Эта книга - наиболее полное собрание рассказов Игоря Шесткова. Большинство текстов, несмотря на исповедальный, квази-автобиографический характер и типично совковую тематику, написаны в жанре "страшных рассказов". Литературными вдохновителями Шесткова были не только очевидные Гоголь, Ф. Сологуб и Зазубрин, но и Амброз Бирс и даже У. Берроуз..... Рассказы Шесткова мрачны, часто мучительны. Эти тексты атакуют не только советскую эпоху, но и читателя. И самого автора. Скрытая или, реже, открытая атака на самого себя - художественный прием Шесткова... Так автор строит свое агрессивное, коварное, чреватое неожиданностями литературное пространство. Автор показывает - да, вот так давило, несло, по косточкам перебирало нас советское безумие, частью которого мы все были. И остались..... Действие рассказов Шесткова нередко (хотя иногда только в одной фразе) переносится в нечеловеческие, мифологические или метафизические сферы бытия. Писатель подчеркивает - жизненный поток уходит сейчас не в "божественные, высшие", а в низшие слои существования, в ад вещей, рефлексов, "вонючих привычек-архетипов"..... Эта книга - не развлечение и не легкое чтение, но тому, кто способен смеяться над самим собой, над своей упертой глупостью и бессмысленно прожитой жизнью, доставит много приятных минут - абсурдные черные коллизии Шесткова сумасшедше смешны.

(О “Аляске”)

Эта книга – дополнение к „Утконосу“.

„Аляска“ тут, это конечно, не один из штатов США, и не изображенный на обложке ландшафт. Аляска – это особое метафизическое состояние души отчаявшегося человека, ищущего спасения от духоты, лжи и агрессии мира людей в ледяных пространствах одиночества... В „Аляску“ попадает героиня одноименного рассказа после того, как она была зверски изнасилована шофером такси. В своей „Аляске“ пребывает повидимому и автор.

В „Путевых заметках“ Игорь Шестков подытоживает свои впечатления от поездки в Москву несколько лет назад. Этот ироничный текст можно тем не менее воспринимать как горячий призыв к москвичам – проснитесь, идиоты! Нельзя жить жизнью тритонов – в имперской жиже, в невыносимой лжи и смраде путинщины!

Самый большой текст этой книги – включает автобиографические заметки о московском и подмосковном детстве автора, воспоминания о годах студенчества, размышления об эмиграции и о мироощущении эмигранта.

Два новых рассказа посвящены геологам – один написан от лица студента на геодезической практике, другой – завершая своеобразный круг судьбы – от лица выгоняемой на пенсию профессорши. С обоими происходят неожиданные для читателя драматические события, переводящие "назойливую повседневность" в "метафизический слой существования".

Пьеса „Анапа“, типично шестковский текст, в котором автор, так же как и в рассказах вкрадчиво переводит саму по себе уже сюрреалистическую русскую действительность в бурлескное абсурдное действо, венчающее черный карнавал реальности глазками на заднице идиота, придающее ему незабываемый фантастический образ.

Завершает книгу небольшое собрание шестковских „Выбранных мест из переписки с друзьями“. Воспользовавшись музыкальной метафорой, можно определить этот текст как скурильное соло ударника в финале абсурдной симфонии...